

ФИЛОСОФИЯ СПАРТЫ КАК ЭНТЕЛЕХИЯ АНТИЧНОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ И ПРАКСИС ДОБЛЕСТИ

Аннотация. В статье рассматривается возможность спартанской философии в горизонте смыслов и значений практики духовных упражнений и «заботы о себе». Показан философский и антропологический контекст, в рамках которого философия Спарты становится необходимым духовным феноменом.

Ключевые слова: спартанская философия, Спарта, античная философия, духовные упражнения, этос философии.

Актуальность обращения к классической модели философствования в эпоху невозможности всерьез быть философом обуславливается необходимостью воссоздать эллинский канон как условия и гарантии мысли в ситуации текучей современности. Цель работы состоит в реконструкции спартанской модели отношения к слову так, как способу восхождения к логосу. Новизна определяется невозможностью мыслить возможность спартанской философии с точки зрения университетской традиции. Цель настоящей статьи заключается в попытке увидеть экзистенциальные смыслы, позволяющие философскому дискурсу быть самим собой в пространстве симулякров и симуляций современной культуры артефактов с объявленной стоимостью. Проблема философского самообретения остается вечным вопросом, претендующим на звание очередного скандала на палубе плывущего за логосом «корабля дураков». Традиционно особая роль в навигации «философским пароходом» принадлежит обрывкам зачитанных до дыр античных лоций.

Невозможность быть вне вечного возвращения к греческим истокам осознана континентальной философией в качестве альфы и омеги собственной судьбы, однако задача понимания уроков эллинских учителей оказывается слишком сложной для ограниченного сознания людей текучей современности. Причина этого заключается в том, что маленьким людям кроме маленьких добродетелей нужна и соответствующая незаметная философия без ответственности и рисков.

По причине этого низкие ворота мудрости, увиденные еще Заратустрой, не просто все делают себе подобным, заставляя склоняться возвышенное, но и ведут в особое тихое прибежище, где есть место для всех, вне зависимости от методологий и талантов. Главное условие – не пытаться пересилить себя, преодолеть варварство души, а просто оставить надежды по ту сторону порога превращенных форм и наслаждаться звоном бубенчиков своего философского колпака. Среди немногих требований, ограничивающих свободу вступившего в лимб, внимания заслуживает только императив общего расслабленного умонастроения, верящего в легкость и безответственность мысли. На основании этой невыносимой легкости говорения, писания и чтения вырастает особая познавательная стратегия, искренне не понимающая чрезмерную и неприличную серьезность выкальвывающего глаза Демокрита, рыцарскую решительность Пико делла Мирандолы или бунт Сартра, который, переживая невозможность себя в джунглях Сьерра-Маэстра, зажигает красный май Парижа.

Обращение к эллинской перспективе не только объясняется традиционной европейской оглядкой в сторону Эллады и призывом любого западного возрождения «будьте как греки», но и необходимостью верного измерения. Измельчавшая всеядность мысли поздней современности не фиксируется ее собственными категориями, поэтому остается только надеяться на спасительную нить античности. Именно благодаря установлению принципиальных точек отсчета, позволяющих оценить упадок парадигмальных смыслов, открывается вся абсурдность современного способа осуществления философии. Возвращение к этосу философии по героической мерке древних титанов в бессильные времена видится утопией, но его осознание и принятие в качестве путеводной звезды раскрывает всю заунывность и однообразие ритмического пейзажа колыбельной на фоне математически совершенных фуг великих сумм всеохватывающего знания и действия.

В круговороте мистерий и страхов, охвативших духовный мир Римской империи, среди кратковременных перерывов в головокружительном карнавале из желания хлеба и зрелищ доблестным стоянием

в интеллектуальной культуре и трезвостью духа поражает философская традиция стоицизма. Именно ее представители поддерживали души колеблющихся, ободряли умирающих призывом к простой человеческой доблести перед лицом неотвратимого, смиряли гнев правителя мудрым советом, обучали отроков науке освобождения разума от презренных желаний, страстей и недостойного гнева. Выполняя функции духовника, воспитателя, лекаря-психоаналитика, помощника-консультанта в сложных перипетиях пещеры неистинных псевдоморфоз, а иногда просто ученого собеседника, философы создавали особое пространство бытия в качестве человека, несущей конструкцией которого выступал «рациональный кодекс цивилизованного поведения» [1, с. 325]. Этот космостроительный подвиг скромных демиургов, поддерживавших существование трещащего по швам мироздания рефлексивной умеренности и верности логосу, оказывается не столь уникальным в одиссеи мысли.

Если внимательно присмотреться к истории, то главным, что поражает при обращении к мыслительным практикам Античности и Древнего Востока, является тот особый страх хаоса, разверзнутого в душе «низкого» человека, угрозы неумолимого распада любой сложноорганизованной культурной системы. Закономерным результатом данного ужаса перед первобытным неконтролируемым состоянием было стремление преодолеть возможность погружения в естественность животных влечений посредством формирования особого инструментария, направленного на подчинение диархии животной и растительной души, а также обучение разумному управлению психической деятельностью. Такую панацею, призванную оградить теменос культуры от разрушительных порывов природы, подчинить все императиву «владей собой» традиционные общности, видели в психологическом тренинге, своеобразной «моральной терапии» (Яков Голосовкер), призванной усмирить тигра внутри и обеспечить приближение к совершенству невозмутимости духа. В признании данного смыслообраза важнейшим аспектом философской системы и духовной практики солидарны такие столь противоположные на первый взгляд школы мысли, как даосы и конфуцианцы, стоики и эпикурейцы, буддисты и академики Платона. Фактически мышление в перспективе освобождения от стихии страстей и обретения собственной сущности в интеллектуальной мобилизации (вспомним Сократа, который согласился со словами физиономиста Зопира о своих дурных и порочных склонностях, что были переустроены благодаря неустанным размышлениям и духовным упражнениям) стали контрфорсом, усиливавшим сложность моделей и структур знаковой реальности.

Возникновение в данном контексте непонятого для привыкшего скрываться за университетскими кафедрами модерного философствования такого словосочетания, как «героический этос философии» – непростая игра со значками в духе постмодернистских критик и отказов, а особая археология знания, познавательная стратегия реконструкции первичных значений через преодоления модерного «уплощения слов» [3, с. 74]. Предлагаемый мыслимый танец поверх самодовольной ограниченности философской речи, унаследованной от немецких профессоров, не сводится только к риторической избыточности, а предполагает заглянуть в основы греческой культуры.

Новоевропейская парадигма философского знания, в отличие от античной традиции поисков первопричины всего сущего, не создала ни одной действительной школы мысли как экзистенциального проекта пребывания в истине. В такой ситуации отчужденности от истины и утраты искренности мышления формальное тождество с пустотой гносеологической фракции, подобно пришитому на одежде ярлычку с указанием размера и описанием особенностей процесса стирки: он в меру информативен, не лишен практичности, но при этом совершенно случаен, не имманентен реальности не обладает какой-либо соотнесенности с сущностью и со смысловым пространством символов. Утверждение ярлыков в самоидентификации философов (наряду с отказом от муки нехватки языка для пересказа сложности мыслимого мира) уничтожают субстанциональную философскую интенцию на преобразование собственного я посредством интеллектуального усилия постоянного отыскания слова и дерзновения мыслить. Жажда обрести покой в принадлежности к некой общности, соблазн называться, а не быть, превратили отчаянное мужество сознания перед лицом трансцендентного в невозможность интеллектуальных потрясений. Закономерным итогом энтропийного парада объявлений о принадлежности к «провинциальным» группировкам является атомизация мысли, закрытость от вызова постоянного испытания себя и разложение стратегии выхода философии в большой мир, на «площадь», улицу.

Как свидетельствует опыт античности, именно присутствие в горизонте значений города в той или иной степени формировало экзистенциальную составляющую и определяло космостроительную миссию созерцания, выступавшей в качестве условия добродетельной жизни. Глобальная перспектива философского мышления, не пытавшегося спрятаться за лекторской кафедрой, предполагала реализацию

трех ключевых целей: во-первых, создание/поддержание структур смысловой сферы, ориентированных на передачу другому, и научение в опыте сопереживания истины, во-вторых, «усложнение» и «культуризация» форм существования/выражения человеческого при помощи различных духовных упражнений и психотехник, в-третьих, преодоление частной точки зрения неистинного эмпирического человека и открытие в себе измерения всеобщего онтологического единства.

Необходимой формой, обеспечивающей осуществление данных целей, выступала не иллюзия самоназвания в пародировании языка или идей по неведомым причинам предпочтенного мыслителя, а философская школа как братство и единство стиля жизни, мысли, преданности логосу. Несмотря на то, что примером такого объединения является пифагорейский союз, все эти элементы с легкостью обнаруживаются в любой античной системе мысли, понимаемой как теургия и мистическое очищение на пути становления человека, в частности школа Сократа оказывается охватывающей Афины попыткой реализации указанных выше задач.

Однако это ни в коем случае не свидетельствует об утопичности идеи экспансии духа в большой мир города, ведь античность знала и удачное осуществление программы преобразования полиса в общину мудрецов. Данным примером развития и воплощения философской пайдеи является Спарта, бывшая самым крупным философским братством за все время поисков первопричины истинного знания и условия добродетельной жизни. Особая интеллектуальная культура слова как истинного логоса вещи и требование ответственности при высказывании как соучастия в бытии, признанные современниками отличительными чертами спартанского этоса, только подтверждают гипотезу о возможности и необходимости существования Лаконской философской школы.

Смысловым ядром последней сосредоточен вокруг призыва «говорить самое лучшее и делать самое доброе», где именно речь оказывается на первом месте в качестве гарантии пребывания и сознательного проживания правды космоса, а усилие высказывания играет роль демиурга, который объединяет небо, землю и индивидуальное сознание в единстве логосов. Эмансипационный проект мысли обрел свое завершение в самодовольном физиологическом морганизм последнего человека, а абсолютная всеядность современности приручила вечный философский порыв, отведя ему место в комфортабельном закутке интеллектуальной резервации для людей с особыми трансцендентными потребностями. Насмешкой и экзистенциальным вызовом над этой параолимпийской идеей звучит спартанский этос философии ответственного тождества речи и поступка.

Метрический и эйдетический рисунок слов и смыслов спартанской политики, укрепленной не стенами, а мудростью божественной и человеческой, требует пристального изучения, но и сейчас понятен завет философов Лаконии. Он остается в истории свидетельством подлинного существования, скупыми строками наставлений в мужестве быть и призывом бодрствовать в мире варварских душ, не позволяя льстивому сну одурманить стоящего в фаланге гармонии небесных сфер.

Остановимся на нескольких особенно важных темах спартанского философского дискурса и попытаемся увидеть их разумом, свободным от штампов черной легенды о необразованных дикарях, питавшихся ужасной чечевичной похлебкой и потому, с радостью уходивших от мучений жизни в свои последние битвы.

В традиции Спарты поражает трепетное отношение к слову и правильному наименованию вещи. При этом понимание слова выходит за рамки мифологического образа и представляется не через призму иррационального и безотчетного страха перед магией произнесенного и невысказанного, а сближается с конфуцианским призывом к исправлению имен и взглядами Гераклита на сущность благородного познания как единства индивидуального и космического логосов.

В то же время, речь – это еще не философия, а только ее возможность, ожидание и предчувствие должного образа жизни, призванного стать действенной любовью к мудрости. Именно представлением о тождестве слова и поступка в экзистенциально-космическом философском проекте объясняется недоверие и равнодушие к утонченным софизмам и многословию, не научающим уму. «Ты открыл путь добродетели, познал истину, так почему же до сих пор не сделал первый шаг и все еще не живешь согласно с ее предписаниями?» – эту фразу мог презрительно сказать спартанец при встрече любому блестящему риторю или известному мыслителю, и даже глава платоновской Академии Ксенократ не знал, как ответить тому, кто прошел воспитание в агелле [2, с. 305]. Это молчание наследника и хранителя великого учения – неслучайно, ведь, в отличие от историков последующих эпох, он понимал, что в стены школы зашел один из вырвавшихся из мрака пещеры. Его длинные волосы и простой плащ только оттеняли и подчеркивали совершенство в изучении лучшей из наук «повелевать и подчиняться», то есть жить

согласно высшему философскому императиву античной культуры: владей собой и поступай так, как велит разум, оставаясь свободным от заблуждений, вызванных страстями, гневом, ненавистью.

Среди разнообразия наук и премудростей, преподаваемых в рамках спартанской агоге, построенной по принципу учить мальчиков тому, что им понадобится, когда они станут мужчинами [2, с. 294], особую роль играло воспитание добродетели жить по велению «царского империя», высшей и лучшей части души, обуздывающей низменные чувства. Этот спартанский культ разума-правителя лучше всего раскрывает один из эпизодов, рассказанный Плутархом: илот дерзко вел себя с племянником Ликурга Хариллом, «Если бы я не был разгневан, я бы убил тебя!» – произнес спартанец [2, с. 323]. Смыслообразующим моментом данной экзистенциальной ситуации, контрапунктом, рождающим значения, является недопустимость поступка, вызванного недостойными побуждениями «животной» составляющей в человеке. Именно в этом искусстве раскрывается истинная свобода спартиата – свобода быть человеком, а не игрушкой бессознательных сил – и поэтому ученик Сократа, поэт, софист и тиран Критий, описывая государственное устройство Лакедемона, называет спартиатов единственно свободными людьми в полном смысле этого слова.

То, к чему безуспешно стремились стоики, пытаясь достичь совершенства в морали, сжигая себя на медленном огне пустого самоограничения, робкие эпикурейцы, не способные на дерзость жить, дышащие пылью поднятой сандалиями учителя и не успевающие стать философами платоники, осуществилась на берегах Еврота. Эллинский идеал философии как образа жизни и мечта всех направлений и самодостаточных одиночек о мудреце, пребывающем в гармонии доблести и знания, оказались несущими основаниями «ликургова космоса» и повседневной практикой общины равных, жившей тем, о чем остальная Греция только вела разговоры.

Пространством реализации спартанского философского этоса являлись полития и праксис духовных упражнений, слитый воедино в логосе законов. Общепризнанной основой сурового аристократического величия, запечатленной в веках гордой осанкой первородства аполлонического человека, и гарантией успешности в истории – безусловной в перспективе греко-римских идеалов и непонятной для поколений недалевидных архивариусов, выступали благословенные Дельфами законы Ликурга. Содержание последних всегда было неизменным и (согласно свидетельству Геродота) ограничивалось лаконичным приказом не покидать боевые порядки до победы либо гибели. Современное научное сознание, лишённое эстетического чутья и исторического слуха, замирает перед безмолвием «потаенного» и испуганно моргает, подтверждая неспособность подняться над собой и увидеть мир за выученными истинами. Именно поэтому цель Лакедемонской практической мудрости определялось как упражнение в аристократическом совершенстве, в столь значимой для эллина добродетели калокогатии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюрант В. Цезарь и Христос. Москва: КРОН-ПРЕСС, 1995. 736 с.
2. Плутарх Застольные беседы. Ленинград: «Наука», 1990. 592 с.
3. Эвола Ю. Лук и булава. Санкт-Петербург: Издательство «Владимир Даль», 2009. 385 с.

С.С. Бойчук. Філософія Спарти як ентелехія античної духовної традиції та праксис доблесті. – Стаття.

Анотація. У статті розглядається можливість спартанської філософії в горизонті смислів і значень практики духовних вправ і «турботи про себе». Показано філософський і антропологічний контекст, у межах якого філософія Спарти стає необхідним духовним феноменом.

Ключові слова: спартанська філософія, Спарта, антична філософія, духовні вправи, етос філософії.

S. Bojchuk. Spartans's philosophy as an entelechy of the antique spiritual tradition and praxis of valor. – Article.

Summary. The article discusses the possibility of the Spartan philosophy in the horizon of the meanings and senses of the practice of spiritual exercises and “self-care”. The philosophical and anthropological context is shown, within which the philosophy of Sparta becomes a necessary spiritual phenomenon.

Key words: Spartan philosophy, Sparta, ancient philosophy, spiritual exercises, ethos of philosophy.